

Экзамены позади, впереди три месяца каникул, а до девятнадцатилетия оставалось еще полгода.

Вэнь Цзилинь в последнее время стал молчалив и выглядел подавленным. Фан Цинцзи же, напротив, дома чувствовал себя превосходно и при новой встрече казался даже заметно округлившимся.

— Ты в последнее время сильно похудел, — заметил он.

Фан Цинцзи улыбнулся мягко, но Вэнь Цзилинь уловил в этом блеске нотки злорадства. Темные круги под глазами свидетельствовали о скверном сне, и, не проронив ни слова, Вэнь Цзилинь схватил его за руку и потащил в ближайший отель.

Фан Цинцзи послушно следовал за ним. Он знал об этой странной болезни Вэнь Цзилиня и понимал, что тот наверняка мучается от бессонницы.

— Неужели кроме меня нет никакой замены? — спросил он.

— Нет, — сухо ответил Вэнь Цзилинь, ускоряя шаг. — Только ты.

Слишком двусмысленно.

Фан Цинцзи замолчал. Разве он... должен испытывать влечение к парням?

Лишь когда он оказался в постели и почувствовал, как его обнимают, его осенило: обычные друзья не спят в обнимку.

Но это ведь особый случай.

Значит, у них совсем нет личного пространства.

Они так похожи... характеры тоже схожи, словно они один человек. Как тут сохранить дистанцию?

Фан Цинцзи опустил взгляд на макушку человека в своих объятиях. Никакого отторжения — лишь странное, манящее притяжение.

Должно быть, они просто стали настолько близки, что их уже не разделить. К такому выводу пришел Фан Цинцзи.

...Если бы Вэнь Цзилинь узнал об этом, он бы наверняка рассмеялся.

Позже они вместе поступили в зарубежный университет, ведь с их оценками в стране на что-то стоящее рассчитывать не приходилось.

Они по-прежнему были неразлучны. Вэнь Цзилинь замечал, как дружба Фан Цинцзи постепенно меняется, и хотя сам юноша этого еще не осознавал, Вэнь Цзилинь уже ломал голову, как с этим быть.

Его собственные чувства тоже претерпевали изменения.

Разве можно отказаться от человека, который понимает тебя до последнего атома? От родственной души?

У них было одно сердце на двоих.

День рождения — это праздник в честь прихода счастливой жизни, а не пантомима для скорбящей души. В ванной комнате дома семьи Фан Вэнь Цзилинь сидел, обнимая бездыханное тело Фан Цинцзи, и смотрел в пустоту.

Мать стояла позади и протянула ему ромбовидную линзу.

— Ступай, — прошептала она.

Вэнь Цзилинь почувствовал, как холодные капли упали ему на затылок. Эта яркая, эффектная женщина редко плакала, и каждый раз — только из-за него.

— Он слишком долго здесь задержался, — добавила она.

Он не ответил. Молча проглотил линзу, поднялся и крепко обнял её.

Юный, ослепительно красивый мужчина тихо усмехнулся:

— Небеса явили знамение: кровавые облака и радужные приливы. Двойники Одинокое Сердца — явление, случаемое раз в десять тысяч лет.

Позади, тяжело дыша, семенил подросток:

— Учитель... дядя, помедленнее! Я еще не освоил Сокращение земли в дюйм!

Мужчина голыми руками разорвал пространство, создавая трещину:

— Иди не спеши, а я пойду вперед.

Подросток в отчаянии воскликнул:

— Дядя! Я же не знаю дороги!

— Ничего, не помрешь, — прозвучал беспечный голос мужчины, который показался подростку невероятно раздражающим.

Подросток смирился. Охваченный отчаянием, он замолчал. Пройдя еще немного, он все же отправил тайное послание своему учителю.

Когда мужчина появился перед покосившейся дверью, там уже собралось множество людей. Кто-то пришел ради алхимии, кто-то — ради поиска учеников; сейчас они мирно сидели у входа в ожидании.

Появление мужчины не вызвало ажиотажа — мало кто его знал.

Время тянулось, знамения становились отчетливее, с неба даже пошел дождь из яшмы. Людям приходилось использовать заклинания, чтобы укрыться от падающих драгоценных камней, не сводя глаз с двери дома.

Никто не обращал внимания на усеивающие землю редчайшие сокровища. В небе неясно

проступал силуэт Минни, благословляя собравшихся. Громкий детский плач послужил сигналом — все одновременно вскочили, готовясь применить магию.

Мужчина не присоединился к ним. Он хотел разорвать пустоту и войти в дом, но некая сила преградила ему путь. Он посмотрел на ставшее отчетливым изображение Минни и с досадой вздохнул:

— Старый друг... а все такой же чужой.

Он подошел к стогу сена у дороги и медленно опустился на него. Слегка подняв руку и опустив её вниз, он заставил культиваторов у дверей застыть на месте под тяжестью его давления. Красивая женщина-маг, тщетно пытаясь пошевелиться, посмотрела на Ян Симина и холодно произнесла:

— Неужели ты из Даоцзэ?

— У даоса острый глаз, — мужчина неспешно толкнул дверь и, обернувшись, улыбнулся: — Даоцзэ, Ян Симин.

Услышав это имя, она замерла, а затем горько усмехнулась:

— Раз уж сам Бессмертный Преподобный Жиюань здесь, нам, конечно, ничего не светит.

Не обращая больше внимания на культиваторов, Ян Симин вошел в лачугу и посмотрел на умирающую женщину. Она была в лохмотьях, лицо в грязи, но даже так угадывалась былая ослепительная красота.

При виде мужчины её тусклые глаза вспыхнули, и в слабом голосе прозвучала нескрываемая радость:

— Старший брат...

Ян Симин смотрел на неё с нечитаемым выражением лица:

— Твои меридианы полностью разорваны, Платформа Бессмертия разбита.

Он констатировал факт. Он никак не ожидал, что та, кто родит Двойников Одинокоего Сердца, окажется его младшей сестрой, сбежавшей с возлюбленным и пропавшей много лет назад.

— С тех пор как я забеременела, нас постоянно преследовали, — женщина спокойно посмотрела на двух сморщенных младенцев у себя под боком, в её глазах читались едва заметная печаль и нежность. — Он погиб от рук Нань Юэлиня, защищая меня. А я... чтобы защитить детей, позволила разбить свою Платформу.

Ян Симин ничего не ответил. Он просто вложил ей в рот пилюлю и холодно скомандовал:

— Возвращаемся в горы.

Женщина рассмеялась — так же невинно и красиво, как тогда, когда они еще были в обители:

— Старший брат, ты же светило медицины, зачем же сейчас притворяешься глупым?

Ян Симин замер, и в его невозмутимых глазах наконец промелькнула скорбь:

— Вернемся в горы, наденешь красивое платье.

С этими словами он бережно, не терпящим возражений жестом поднял женщину на руки и, посадив детей на спину, направился к выходу.

Женщина больше не произнесла ни звука. Кристальные слезы скатились по её щекам на тыльную сторону ладони Ян Симины, обжигая так, что он едва мог удержать её.

Его маленькая сестренка, которую он нянчил с детства, его самая большая любительница красоты, его любимая сестра...

Крошечный Минни опустил ему на плечо, и в лучах весеннего солнца Ян Симин произнес самые нежные слова:

— Мы... идем домой.

Вскоре после возвращения в горы её не стало.

Беловолосый мужчина с демонической внешностью гладил её длинные волосы, тихо напевая древнюю колыбельную. Женщина в прекрасном наряде безмятежно закрыла глаза, уголки её губ застыли в нежной, счастливой улыбке. Ян Симин издали наблюдал за учителем и сестрой, покоящейся у него на коленях, и молчал.

Теперь у неё больше нет причин для сожалений... Ян Симин посмотрел на маленькую кроватку в комнате учителя, где лежали близнецы.

— Си.

Тихий зов заставил его обернуться. Ян Симин посмотрел на мужчину:

— Учитель.

— Близнецы еще совсем малы, пусть пока побудут у меня, — мужчина медленно поднял тело сестры и направился к задним склонам гор. — Когда подрастут, возьмешь их на обучение.

— Слушаюсь, — Ян Симин поклонился, провожая взглядом удаляющиеся фигуры.

Когда Вэнь Цилинь пришел в себя, его телу исполнилось полтора года. Рядом ощущалось мягкое, теплое тело — Фан Цинцзи еще спал.

Он медленно сел и увидел беловолосого мужчину, дремлющего у окна. Мягкий весенний свет нежно целовал его ресницы; человек был подобен своему имени, словно сошел с картины бессмертных.

...Праучитель.

Он осторожно встал и направился к мужчине. Его детский голос прозвучал чисто и звонко:

— Праучитель.

Услышав движение, мужчина не открыл глаз, но ответил голосом, мягким и теплым, как весенний ветер:

— Цзин.

Вэнь Цзилия подхватила легкая энергия, и он оказался в объятиях мужчины.

Беловолосый мужчина, нынешний хранитель Даоцзэ. Его имя давно никто не осмеливался произносить, поэтому знали его немногие. Чаще всего его называли Истинным человеком Даокуном, но для Вэнь Цзилия он был мягким старшим по имени Хуа Ханьсянь.

Тихо прижавшись к его груди, Вэнь Цзилинь снова ощутил прохладное тепло, присущее только праучителю, и его глаза слегка покраснели.

В этот раз... он не позволит истории повториться.

<http://bllate.org/book/22457/2361611>